

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

А.Ю. ЗУДИН

К “сообществу элит”? Трансформация политического режима в России

Статья 1. Изменившийся маршрут в поисках адекватных подходов

Инерционность оценок

Западные научные оценки состояния российского политического режима стабилизируются. Все чаще звучат утверждения, квалифицирующие его как “режим, основанный на политическом доминировании”, а Единую Россию – как “доминирующую партию” [Smyth, Lowry, Wilkening, 2007; Remington, 2008; Reuter, Remington, 2009]. Эти оценки начинают появляться и в публикациях российских авторов [Гельман, 2006^a; 2008; Голосов, 2008]. Режим доминирования с опорой на политическую партию может функционировать в разных форматах. Применительно к современной России говорят о доминирующей партии “гегемонистского” типа. Согласно Дж. Сартори, который считается одним из классиков современной политической науки, главная особенность “гегемонистской” партии состоит в том, что она поддерживает свое постоянное пребывание у власти при помощи принуждения, запугиваний, фальсификации и лжи [Sartori, 1976, p. 194]. В соответствии с нормативной теорией демократии “гегемонистская” партия – стержень авторитарного режима.

Соотнесение западных оценок и нынешнего состояния политического режима в России создает парадоксальную ситуацию. Дело даже не в том, что эти оценки никогда адекватно не описывали российский политический режим (квалификация режимов, существовавших в 2000–2007 гг., – тема для отдельного разговора). Ирония в том, что они начинают становиться консенсусными именно тогда, когда в России разворачивается очередной раунд политической трансформации. Нечто похожее происходило в самом начале 2000-х гг., когда наблюдатели и эксперты долго квалифицировали политический режим В. Путина как простое продолжение старого, ельцинского, режима. Инерционность западных подходов объяснима: они исходят от внешних наблюдате-

---

Зудин Алексей Юрьевич – заместитель директора Центра политической конъюнктуры России, старший научный сотрудник Института анализа предприятий и рынков (ИАПР) Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики.

лей. Удивительно, что еще большей инерционностью страдают заключения многих российских политических экспертов.

Оценки текущего состояния политического режима в России необходимо уточнить. Во-первых, подготовка и осуществление ротации, а также утверждение после 2008 г. политического режима, опирающегося на два тесно связанных центра власти, породили определенные эффекты, явные и неявные, которые необходимо зафиксировать и проанализировать. Во-вторых, в 2008–2009 гг. был принят целый пакет решений по развитию политической системы, реализация которых порождает и будет порождать дальше новые эффекты, также нуждающиеся в определении и анализе.

Источники политических перемен

Причины, которые лежат в основе нынешнего этапа политической трансформации, можно разделить на две группы – ситуативные и структурные. К числу ситуативных, во-первых, относятся проблемы, возникшие на предыдущем этапе развития как неизбежное следствие принимавшихся тогда решений. Появление этих проблем не следует считать результатом просчетов, скорее здесь естественная цена, которую пришлось заплатить за решение задач, определявшихся в качестве приоритетных. Во-вторых, это эффекты управляемой ротации власти в 2008 г., непосредственные и долгосрочные.

Предыдущий этап прошел под знаком консолидации политической системы. Превращение российского президента из самого сильного политического игрока в доминирующую силу и последующая трансформация политического режима имели явные и неявные последствия. Одним из эффектов консолидации политической системы вокруг фигуры конкретного президента стал персонализм, который, на первый взгляд, вел в политический тупик: сначала третий срок, потом четвертый и т.д. В результате двух плебисцитарных избирательных кампаний 2003–2004 и 2007–2008 гг. социально активное меньшинство лишилось политического представительства в парламенте (СПС и Яблоко перешли в разряд внедумских политических партий, а СПС затем прекратил свое существование). Произошло отчуждение части этого меньшинства от политического режима.

Другим результатом плебисцитарных избирательных кампаний стала опасность политического ослабления института выборов (возвращение в советский ритуал). В свою очередь, в связи с созданием доминантной партии с “гегемонистскими” чертами возникли: 1) “проблема принципал-агент”, грозившая поставить президентскую власть в зависимость от собственного детища; 2) опасность восстановления на новой основе силы “переходных” элит (эта опасность отчасти была снята при учреждении моноцентрического режима); 3) реальная перспектива маргинализации малых думских партий. Наконец, консолидация политического режима была осуществлена на консервативной – во всех смыслах – основе. Политическая стабильность с опорой на “переходные” элиты, сконцентрированные в доминирующей партии, создавала угрозу политического и экономического иммобилизма. Но ключевую роль в начале трансформации сыграли причины “структурного” характера, а именно – особенности постсоветского политического цикла.

Особенности постсоветского политического цикла

Длительное время трансформация политического режима в России продолжала укладываться в парадигму транзита и оцениваться по шкале “авторитаризм – демократия”. Модификация данного подхода за счет введения “промежуточных” концептов (сначала – “демократия с прилагательными”, потом – “авторитаризм с прилагательными” [Collier, Levitsky, 1997; Levitsky, Way, 2002]), а также развернутая критика транзитологических подходов в работах российских авторов [Гельман, 2001^а; 2001^б] не сопровождалась появлением альтернативной системы объяснений.

Ситуация заметно изменилась после появления “циклической модели” американского политолога Г. Хейла, предложенная для объяснения феномена “цветных революций”, альтернативного транзитологическому (“цветные революции” – шаг к демократии). По его мнению, трансформации постсоветских политических режимов (“выборы–консолидация–фрагментация”) определяются скорее их институциональными особенностями, чем перемещением по классической транзитологической шкале. Все постсоветские режимы (за исключением стран Балтии) с различными вариациями были отнесены автором к типу, названному “патрональным президентством” (первоначально употреблялся концепт “супер-президентство”) [Hale, 2004], которое позволяет сосредоточивать в руках действующего президента огромную формальную и неформальную власть клиентелистского характера. Патрональное президентство создает ситуацию “победитель получает все”.

Эта власть ставит в зависимость от патронального президента основные отряды элит, прежде всего региональных лидеров и крупный бизнес. На выборах элиты делают все, чтобы подтвердить свою лояльность патрональному президенту. Но как только президент начинает квалифицироваться как уходящий (с приближением предельного срока пребывания в должности и при готовности подчиниться конституционной норме или ослаблении общественной поддержки), начинается “бегство элит”, которые стремятся “угадать” будущего победителя и примкнуть к нему. (Цена ошибки очень высока, поскольку в руках будущего президента снова сосредоточится огромная “патрональная” власть.) После всенародного избрания нового президента основные фазы цикла повторятся снова: “президентские выборы – консолидация режима патронального президента – приближение предельного срока пребывания в должности – бегство элит – фрагментация и распад режима – новые президентские выборы и т.д.” [Hale, 2005^a, p. 6–10; 2005^b; 2006; Хейл, 2008].

“Циклическая модель”, действительно, позволяет взглянуть по-новому на опыт реального развития политических режимов на постсоветском пространстве (включая Россию). К достоинствам модели можно отнести выявление институциональной динамики режимов, относительно автономной от процессов транзита. Не менее важны и предпосылки, на которых базируется предложенная модель. Процесс политической трансформации квалифицируется как длительный и принципиально открытый для движения в обоих направлениях. В этом смысле Хейл возвращается к основам транзитологической парадигмы, впоследствии модифицированным “энтузиастами” быстрой демократизации, которая часто оказывается “имитационной”. (Наиболее очевидные примеры имитационных режимов, возникших на постсоветском пространстве после форсированной демократизации, – Грузия и Киргизия. Трансформационные процессы на Украине после “оранжевой революции” далеки от завершения и не могут быть квалифицированы с определенностью.)

Но прогноз, который в соответствии с основными положениями своей концепции Хейл выдвинул относительно развития электорального цикла 2007–2008 гг. и его политических итогов, оказался неверным. Несмотря на успешную управляемую ротацию в России в 2000 г. (и в Азербайджане в 2003 г.), способность “преемника” уходящего президента добиваться избрания на освобождающийся пост оценивалась автором как весьма ограниченная: по его мнению, для элит, которые боятся остаться за бортом новой “коалиции победителей”, возникновение даже небольшой неуверенности в будущем способно создать мощный стимул для формирования контрcoalitions в попытке обеспечить (или сохранить) доступ к ресурсам патронального президентства и не допустить к этим ресурсам своих соперников. Очевидно, поэтому было высказано предположение, что если Путин не поддастся искушению пойти на третий срок, парламентские выборы 2007 г. будут больше похожи на выборы 1999 г., чем 2003 г. А если выборы 2007 г. не принесут окончательной ясности (эта перспектива оценивалась как достаточно вероятная), тогда президентские выборы 2008 г. могут стать весьма конкурентными, с реальной перспективой первого в истории постсоветской России перехода власти в руки оппозиции. Автор допускал, что Путин попытается разорвать

“циклическую модель”, чтобы добиться избрания своего преемника, но шансы на успех этого предприятия оценивал весьма скептически [Hale, 2004].

Представляется, что изъятые концепции Хейла обусловлены ограниченностью чисто институционального подхода к динамике постсоветских режимов и недооценкой значения политических факторов (связанных со стратегиями акторов и влиянием “контекста”). Автор признает важную роль общественного мнения [Hale, 2005^a, p. 2]¹, а также других внеинституциональных факторов в динамике политических режимов на постсоветском пространстве (среди причин “бегства элит” упоминаются не только истечение предельного срока полномочий, но и падение популярности действующего президента в результате кризиса или военного поражения), но не делает из этого необходимых выводов. Он ограничивается констатацией, что популярные президенты оказываются в состоянии дисциплинировать элиты, предотвращать их “бегство” перед очередными выборами и (эпизодически) обеспечивать избрание “преемника”, то есть преодолеть реконструированную автором логику институционального цикла [Hale, 2005^a, p. 10]². Но даже успех “преемника” ничего принципиально изменить не может. Хейл не делал различия между политическими эффектами возможного переизбрания Путина на третий срок и управляемой ротацией власти, наиболее вероятным последствием которой также оказывалось воспроизводство “автократического цикла” [Hale, 2004]. Путинский преемник (кто бы им ни был) создаст собственный моноцентрический режим. Сложившиеся институты прочно удерживают патрональное президентство в “циклической ловушке”.

Между тем имеющийся опыт позволяет квалифицировать патрональное президентство как более сложный феномен, который в равной мере обусловлен и институциональными, и внеинституциональными факторами, причем не только в “нисходящих” фазах трансформационного цикла (обстоятельства, побуждающие элиты к нелояльности), но и в “восходящих” (выборы). “Патрональная власть” – не автоматическое следствие обширных полномочий всенародно избранного президента. Это, скорее, возможность (потенциал), который может быть реализован президентской властью в различной степени. Решающее значение для обретения патрональной власти играет фактор политической силы, которую президент приобретает на выборах: именно это приводит в движение институциональную составляющую (объем полномочий). Но важна не только победа на выборах, но и обстоятельства избрания (масштабы электоральной поддержки, которые, в свою очередь, определяют условия победы – например, в один или в два тура). В полной мере эффекты патронального президентства проявляются тогда, когда институциональная и политическая составляющие одновременно работают на усиление центрального игрока. Но существует и возможность их рассогласования. Например, в случаях, когда президент ограничен “секционными соглашениями” с функциональными элитами по формуле “поддержка в обмен на автономию” (как Б. Ельцин в 1991–1993 гг., и в 1996–1998 гг.). Если это происходит, президент оказывается не в состоянии в полной мере использовать потенциал патрональной власти.

Более того, в постсоветской России патрональная власть президента оказывалась ограниченной не только “извне” (“секционными соглашениями” с элитами), но и “изнутри”. Несмотря на гипертрофированные полномочия президента (феномен “супер-

---

¹ Высказывается также общее (хотя и принципиальное) соображение, что важная роль общественного мнения в политической динамике патрональных режимов свидетельствует о том, что они “не полностью лишены демократического содержания” [Hale, 2005^a, p. 23].

² В более поздних публикациях автор основное внимание уделяет автономии общественного мнения в политическом процессе в России, а также анализу тесных отношений, которые сложились между президентом В. Путиным и массовыми категориями избирателей в 2000–2007 гг. [Colton, Hale, 2008]. Важной частью новой исследовательской программы, которая, по мнению Хейла, призвана восполнить пробелы прежнего подхода, слишком тесно привязанного к концепту транзита, должно стать и изучение фактора политического лидерства [Hale, 2005^a, p. 23]. Не исключено, что “достройка” “циклической” модели может повысить ее “объясняющую силу”, но это потребует уточнения ряда положений концепции, по крайней мере, в ее нынешнем варианте.

президентства”), институциональный строй не совпадает с “чистой” президентской системой (президент – не глава правительства, а фигура премьера должна пройти утверждение Государственной думой). Периодическое усиление премьера – политический факт, который проявлялся каждый раз, когда премьер долгое время занимал свой пост. Рост политической автономии М. Касьянова в 2002–2003 гг. (при сильном президенте В. Путине) удостоверяет этот факт даже в большей степени, чем усиление В. Черномырдина (при ослабленном Ельцине в 1997–1998 гг.). (Политическое усиление премьера Е. Примакова в конце 1998 – начале 1999 г. – более сложный случай, обусловленный не только внутренней динамикой президентской власти, но и вмешательством Государственной думы.) Но в случае, если повышение автономии главы правительства совпадало с политическим ослаблением президента (как в ситуации Черномырдин–Ельцин), премьер–“тяжеловес” оказывается распорядителем части “патрональной власти”, которая “по происхождению” принадлежит российскому президенту.

Хейл не делает особой разницы между политическими режимами Путина и Ельцина, рассматривая оба как воплощение патронального президентства. Но последовательное применение его концепции заканчивается парадоксом: при президенте Ельцине “патрональная власть” обнаруживается с большим трудом (автор осторожно признает, что данное обстоятельство представляет собой “трудный случай” [Hale, 2005^a, p. 12]), а в период правления Путина предложенная модель институциональной динамики проявляется (как будет показано ниже) по-другому.

Становление и консолидация моноцентрического режима

Трансформация политического режима в моноцентрический период правления Путина создала предпосылки для преодоления циклической траектории. Формирование нового режима сопровождалось “статусным переворотом” в верхах: выход на центральные позиции прежде периферийных групп (“питерские” и “силовики”) и оттеснение на периферию сил, ранее считавшихся наиболее влиятельными (“олигархи” и губернаторы). Это обстоятельство на долгое время стало определяющим в восприятии режима Путина многими исследователями (один из примеров – концепция “милитократии” О. Крыштановской) [Крыштановская, 2002; Kryshchanovskaya, White, 2003]³. Но решающую роль в обретении режимом новых политических качеств сыграли изменившиеся обстоятельства избрания нового президента в марте 2000 г.: высокая личная популярность и победа в первом туре.

Логика выборов в один тур изменила отношения в треугольнике “президент – элиты – массовый избиратель”. Впервые с начала 1990-х гг. президентская власть смогла восстановить связи с социальным большинством. Высокая личная популярность нового президента позволила сделать эти связи прямыми. Значение общественного мнения в политической базе режима существенно повышается [Зудин, 2000^a]. “Секционные соглашения” с системными элитами были пересмотрены в пользу федерального центра. Наряду с менее обязывающими “секционными соглашениями” президентская власть оказывается включена в новое соглашение – неявный “социальный контракт” с избирателями. В распоряжении президентской власти оказался новый политический ресурс – “путинское большинство” [Ослон, 2001]. Путин политически восстанавливает президентскую власть. В отличие от Ельцина, который в силу контекстуальных факторов оказался не в состоянии обрести патрональный потенциал президентской власти, Путин действительно становится патрональным президентом. Но с важной поправкой: эта власть опирается не только на институциональную базу, но и на массовую политическую поддержку, причем значение этой “второй опоры” со временем начинает расширяться. Президент становится доминантным игроком.

³ Критику концепции “милитократии” см. [Зудин, 2004^a; Гаман-Голутвина, 2006, с. 352, 381–382; Renz, 2006].

Потребность президентской власти в посредничестве элит для выстраивания отношений с общественным мнением сокращается. Появление параллельного контр-акта меняет условия “секционных соглашений” с элитами и делает возможным “навязанный консенсус” [Гельман, 2002], в соответствии с которым элиты признавали ведущую роль правящей группы, отказывались от конкуренции за власть и от части ресурсов, перешедших под их контроль во второй половине 1990-х гг. Но речь шла не просто о воссоздании ранних “секционных соглашений” Ельцина с элитами образца 1991–1993 гг. (главы регионов не избирались, а предприниматели еще не превратились в политическую силу на федеральном уровне). Опираясь на новые ресурсы, президентская власть получила возможность выстраивать отношения с элитами с позиции силы. Немаловажным стал и новый психологический контекст: отношения президентской власти с наиболее сильными элитами после 2000 г. приобретают оттенок “победитель–побежденные”, причем обе стороны помнили, что инициатива разрыва отношений после дефолта 1998 г. принадлежала не президентской власти, а элитам. Президентская власть больше не чувствовала себя “обязанной” системным элитам [Зудин, Рябов, 2000].

Это сделало возможным изменить вектор развития политической системы: реформы первого путинского срока проходят под знаком политической централизации (введение федеральных округов, реформа Совета Федерации, отказ от старой модели отношений с “олигархами”, превращение федеральных политических партий в монополистов избирательного процесса)⁴. Наиболее сильные отряды элиты, региональные лидеры и “олигархи” лишаются возможности влияния на президентскую власть. Но если в перестройке отношений с элитами ведущую роль играл президент, то трансформация отношений исполнительной власти с Государственной думой, превратившихся в главную институциональную проблему при Ельцине, была обеспечена новой “партией власти” – Единой Россией. От старой версии “партии власти” [Лихтенштейн, 2002] она с самого начала отличается большей централизацией и эффективностью. Эти обстоятельства сделали возможным “беспрецедентный успех” в законодательном обеспечении программы реформ [Smyth, 2002]. Тем не менее в первый период правления Путина элиты пользуются прежней автономией в своих институциональных доменах. Лишившись влияния на федеральные институты, губернаторы сохраняют персональные избирательные машины [Гельман, 2008, с. 17–18] и политический контроль над территориями. Зависимость итогов думских выборов от политических ресурсов региональных элит продолжает сохраняться. По этим причинам курс Кремля на ослабление губернаторов в 2001–2002 гг. перед выборами 2003 г. сменяется политикой кооптации: их сделали “паровозами” в партийных списках Единой России [Reuter, 2007].

Консолидация моноцентрического режима становится главным политическим итогом электорального цикла 2003–2004 гг. Правящая группа превращается в однородную (после отставки А. Волошина с поста главы администрации президента и смещения Касьянова с поста главы правительства “семейные” утрачивают позиции в высших эшелонах власти). Политическая сила доминантного игрока резко увеличивается, моноцентрический режим превращается в откровенно персоналистский. Единая Россия занимает монопольные позиции в Государственной думе, а социально активные группы лишаются парламентского представительства. Усиление ведущей партии сопровождается трансформацией партийной системы из многопартийной – в полуторапартийную. Роль партий начинает меняться, но при разнонаправленном векторе: она по-прежнему ограничена законодательным процессом, при этом самостоятельность – снижается, а масштабы присутствия в нем расширяются (за счет частичной “партизации” Законодательных собраний). Институциональное усиление противоречиво сочетается с политическим ослаблением. Происходит ослабление и маргинализация политической оппозиции [Гельман, 2004], часть которой переходит в разряд “внесистемной”. Федеральные выборы начинают приобретать плебисцитарный характер.

⁴ Подробнее об основных направлениях формирования моноцентрического режима см. [Зудин, 2002].

Главные политические реформы второго срока правления Путина (отмена прямых губернаторских выборов, введение пропорциональной системы при выборах в Госдуму, и смешанной – для Законодательных собраний) резко меняют соотношение сил между президентской властью и региональными лидерами. Полупропорциональная система выборов в Законодательные собрания позволила “вскрыть” замкнутые региональные политические режимы, сделав их доступными для контроля из федерального центра [Голосов, 2008]. Отмена прямых выборов и ликвидация автономии губернаторов превращают Единую Россию в безальтернативную партию для региональных элит [Reuter, 2007]. Происходит дальнейшее вытеснение конфликта на периферию политических отношений (часть представительных функций фактически выводится из федерального парламента в Общественную палату). С 2004 г. начинается период “административного правления”, характеризующийся бюрократизацией элиты, широким замещением публичных акторов агентами административной системы (эмблемой можно считать создание “общественных советов” при федеральных министерствах и ведомствах)⁵.

Нарастание политической силы доминантным игроком сопровождается переосмотром отношений с крупным бизнесом (“дело ЮКОСа”) [Яковлев, 2005]. Положение частного сектора в экономике утрачивает определенность, а в отношениях с государством бизнес лишается статуса партнера: ему отводится роль скорее поставщика ресурсов, а формулирование целей выступающая от имени государства правящая группа монопольно закрепляет за собой. Институциональная форма отношений смещается от “режима консультаций” к модели, которую условно можно назвать “направляющим руководством”. Последовавшая за “делом ЮКОСа” экспансия превращает государство в ведущую силу развития российской экономики. Экономическая политика приобретает “дирижистский” оттенок. Делается шаг в сторону современной разновидности “государства развития” (“государство конкуренции”) [Зудин, 2006^а; 2007^а].

Среди ресурсов доминантного игрока значение социального контракта с массовым избирателем расширяется (особенно после появления социально ориентированных “национальных проектов”), а “секционных” соглашений с элитами – сокращается. Меняется и формат отношений с элитами: вместо сети индивидуальных соглашений – коллективное, воплощением которого становится Единая Россия. Переход от индивидуальных контрактов к единому институциональному соглашению облегчается усилением кризисных явлений в первом поколении постсоветской элиты, которые просматриваются (помимо прочего) в ослаблении инновационных и субъектных качеств (снижении способности к индивидуальным и, тем более, коллективным политическим действиям) [Зудин, 2007^б; Гудков, Дубин, Левада, 2007]. Политический режим был консолидирован на консервативной основе, а его авторитарное перерождение многим казалось неизбежным.

С момента появления *доминантного игрока* в развитии политического режима начинает усиливаться роль политических факторов. Доминантный президент демонстрирует растущую нечувствительность к институциональному циклу и превращается в самостоятельный источник политической динамики. И если в период 2000–2005 гг. функционирование политического режима, в принципе, вписывается в логику патронального президента, то в дальнейшем в действие вступает новый фактор: стратегия доминантного игрока. Цель – не удержание поста президента, а проведение ротации при сохранении контроля над переменами (впервые публично заявлена летом 2003 г.). Главной задачей доминантного игрока становится борьба с институциональной и политической инерцией, а средством ее решения – “антициклические” стратегии. С этого момента движение политического цикла перестает быть инерционным, и каждая последующая фаза становится управляемой.

⁵ Подробно этап консолидации моноцентрического режима рассмотрен в [Зудин, 2004^б; 2004^в; 2004^г; 2004^д; 2004^е; 2005^а; 2006^а].

Управляемая фрагментация режима

В период подготовки к электоральному циклу 2007–2008 г. стратегии доминантного игрока позволили преодолеть два “инерционных” сценария: постсоветский политический цикл (простой уход с поста президента с выдвижением преемника или без него) и трансформацию в персоналистский авторитарный режим (“третий срок”). Для выстраивания стратегии, способной противостоять логике постсоветского политического цикла и нейтрализовывать его эффекты, необходимо было решить ряд серьезных проблем. Уходящий президент неизбежно сталкивается с перспективой превращения в “хромую утку”, то есть утраты политической силы (снижение поддержки в элитах и общественном мнении). Главным условием успешного проведения управляемой ротации было сохранение действующим президентом максимальной политической силы – только так можно воспрепятствовать инерционным эффектам постсоветского цикла.

Соответственно, превращение уходящего президента в “хромую утку” становилось главной опасностью для управляемой ротации, а главной задачей в период подготовки к управляемой ротации – поиск мер, способных воспрепятствовать этому. Такой способ был найден в поддержании повышенной неопределенности в период подготовки к управляемой ротации⁶. Последующие события показали, что стратегия неопределенности (вместе с поддержанием повышенной политической активности доминантного игрока) позволила решить проблему “хромой утки”: уходящему президенту удалось сохранять политическую силу и лояльность элит до момента передачи власти новому президенту (как выяснилось позднее – и после этого).

Неопределенность поддерживается вокруг двух опций. Во-первых, возможности ротации как таковой: несмотря на периодические заявления самого Путина об уходе с поста президента после истечения конституционного срока, практически до самого последнего момента оставалось неясным, состоится ли обещанная ротация. Кампания за “третий срок”, развернутая в системных элитах и общественном мнении, превратилась в составную часть стратегии неопределенности, а для представителей политического класса поддержка идеи “третьего срока” стала частью ритуала политической лояльности действующему президенту. (Невольными участниками “кампании за третий срок” оказались и представители политической оппозиции: они активно использовали эту кампанию как доказательство готовности действующего президента нарушить конституционную норму.) [Зудин, 2005⁶].

Во-вторых, неопределенность поддерживалась вокруг кандидатуры “преемника”. На эту роль были выдвинуты два кандидата (два новых вице-премьера в правительстве – Д. Медведев и С. Иванов), между ними в публичном пространстве началась виртуальная конкуренция с образованием “протоэлекторатов” (“мягких” сторонников, предпочтения которых не закреплены голосованием на выборах). Соперничество подчинялось достаточно простой логике: на старте политическим весом обладал только Иванов, затем его начал догонять Медведев. После того, как последний начал восприниматься как наиболее вероятный “преемник” и неопределенность стала снижаться, начался подъем Иванова. По данным Левада-Центра, в марте 2007 г. по показателю электоральной поддержки во втором туре президентских выборов Иванов обогнал своего соперника, в апреле еще больше увеличил отрыв, а в мае между конкурентами установился приблизительный паритет. При этом имиджевые различия между соперниками начинают размываться, а оба они обретают поливалентные качества (сопоставимая совместимость с “либералами” и “силовиками”), которыми ранее располагал только действующий президент [Зудин, 2007⁷].

К концу лета 2007 г. соперничество Медведева и Иванова себя исчерпало. Попытка продлить неопределенность при помощи перспективы появления неизвестного пока “третьего” кандидата (заявление И. Шувалова во второй половине июня 2007 г.)

⁶ В виде “рабочих гипотез” основные проблемы управляемой ротации были сформулированы в [Зудин, 2004⁸]. Предположение об использовании уходящим президентом стратегии неопределенности в целях сохранения политической силы было высказано в середине 2006 г. [Зудин, 2006⁶].

успехом не увенчалась: предположительно, элиты настолько устали, что стали проявлять готовность опознать как “окончательный” ситуативный перевес любого из двух кандидатов. Появившиеся к концу августа 2007 г. признаки самопроизвольной (или не вполне самопроизвольной) консолидации вокруг Иванова, оказавшегося к тому моменту виртуальным лидером, грозили превращением ротации в неуправляемую, а Путина – в “хромую утку” задолго до президентских выборов. Появление В. Зубкова в роли нового премьера в начале сентября 2007 г. прервало возвышение Иванова: возможного “третьего” кандидата предложили таким способом, который просто нельзя было игнорировать. (Премьер – естественный кандидат в преемники и по занимаемой позиции, и по прецеденту, созданному Путиным в 1999 г.). Зубков практически сразу заявил, что не исключает выдвижения своей кандидатуры на президентских выборах, сделал это с необычной откровенностью для высокопоставленных чиновников, которые вообще избегают личных заявлений на предвыборные темы, и сразу с большим отрывом опередил всех в качестве возможного кандидата в преемники. Неопределенность, а вместе с ней – и управляемый характер подготовки к ротации – оказались восстановлены [Зудин, 2007^а].

Стратегия неопределенности сочеталась с практической подготовкой к управляемой ротации. Характер этой подготовки свидетельствовал о понимании неизбежности фрагментации режима в предвыборный период и стремлении сделать этот процесс ограниченным и управляемым [Зудин, 2006^в]. Фактически трансформация режима началась задолго до выборов 2007–2008 гг. Новая конфигурация в верхах начинает создаваться заблаговременно, чтобы облегчить последующее приспособление к ней игроков. Помимо выдвижения конкурирующих кандидатов в преемники, которое также укладывается в логику управляемой фрагментации политического режима, в этом направлении были сделаны два важных шага. Наиболее резонансным стала демополизация “кремлевской партийной ниши”: рядом с Единой Россией появилась вторая партия – Справедливая Россия, которая также получила поддержку действующего президента. Тенденция монополизации политического рынка, доминировавшая в предыдущий период [Гельман, 2006^а], оказалась приостановлена [Зудин, 2006^г; 2007^в].

Еще одним проявлением управляемой фрагментации политического режима в предвыборный период можно считать создание шести новых госкорпораций. (С мая по ноябрь 2007 г. в этом качестве появились Внешэкономбанк, Роснано, ФСР ЖКХ, Олимпстрой, Росатом, Ростехнологии.) Этот шаг обычно трактуется как показатель усиления “дирижистских” элементов в экономической политике. Но он имел и политические последствия: часть решений выводится из сферы полномочий федеральной административной элиты и делегируется в полуавтономные центры (руководство госкорпораций). В системной части экономической элиты расширилась фракция, не только тесно связанная с государством, но и, как утверждают, близкая к Путину (наиболее очевидные примеры – Ростехнологии С. Чемезова и Роснано, в котором влиятельную позицию занимает М. Ковальчук). Уходящий президент использовал “патрональную власть” таким образом, чтобы подключить будущего премьера к распоряжению ресурсами, сконцентрированными вокруг президентской власти, а также для размещения лидеров основных групп питерцев в рамках проекта “преемник”. Управляемая фрагментация режима в период подготовки к избирательной кампании 2007–2008 гг. создала предпосылки к деконцентрации в верхах после ротации власти.

Деконцентрация в верхах

Важную роль в подготовке к управляемой ротации сыграла “рокировка”, то есть перемещение на новые позиции в системе власти. “Рокировка” оказалась “длинной” и заняла достаточно продолжительный период. Переход уходящего президента в новое политическое качество начался за полгода до того, как он оставил свой пост, и складывался из двух последовательных шагов. Сначала была проведена “конверсия полити-

ческой силы”: 1 октября 2007 г. Путин ответил согласием на предложение руководства Единой России возглавить предвыборный список партии. Был также продемонстрирован интерес к предложению возглавить правительство при соблюдении ряда условий: победа Единой России на думских выборах и избрание нового президента, “с которым можно было бы работать в паре”.

Были созданы условия для того, чтобы после парламентских выборов политическая сила уходящего президента была легитимно зафиксирована новым способом и переведена в состояние, не связанное с президентской властью. В каком-то смысле Путин “вскочил в уходящий поезд”: если бы он не возглавил список Единой России, то превратился бы в заложника победителей на предстоящих парламентских и президентских выборах. Завершение избирательного цикла 2007–2008 гг. наделяло электоральным весом его ключевых участников, прежде всего руководство Единой России и нового российского президента (вне зависимости от того, кто им станет). После того, как появятся политические лидеры, облеченные свежим мандатом избирателей, главный источник политической силы Путина – рейтинг – неизбежно начнет таять: результаты опросов общественного мнения обретают реальную политическую силу лишь тогда, когда опираются на легитимно выраженную политическую волю избирателей [Зудин, 2007^е], а возможность сохранения общественной поддержки вне системы власти представлялась весьма проблематичной. Несмотря на внешнее сходство с предыдущим электоральным циклом (плебисцитарность), уже парламентская фаза выборов 2007–2008 гг. оказалась подчинена не очередной консолидации моноцентрического режима, а логике обеспечения управляемой ротации власти.

Прямое включение Путина в думскую избирательную кампанию породило важные политические эффекты. Фрагментация режима была приостановлена. В полном соответствии с “циклической” моделью функционирования постсоветских институтов перспектива ротации была способна превратить в “хромую утку” не только уходящего президента, но и всю построенную на нем систему. Распад политического режима мог начаться уже на парламентских выборах 2007 г. В сентябре обозначились две тенденции: началась стагнация рейтинга Единой России и одновременно – электоральная мобилизация других участников выборов. Появилась перспектива протестной мобилизации по принципу «все – против “партии начальства”». (Опрос, проведенный ФОМ 5–7 декабря 2007 г., обнаружил заметное повышение эффекта негативной мобилизации в мотивах голосования избирателей за КПРФ и ЛДПР по сравнению с 2003 г. [Фонд... 2007].)

В этих условиях обычного “благословения” со стороны Путина могло оказаться недостаточно для того, чтобы обеспечить Единой России необходимые результаты: президент хотя и авторитетный, но уходящий, а партия в новой Думе останется и после его ухода. Теперь эта перспектива исчезла. Электоральная притягательность и мобилизационные способности Единой России заметно повысились, а вот способность партии записать это в свой актив – резко сократилась: уходящий президент просто “раздавил” партию своим весом. Персонализация думских выборов (по крайней мере, для электората Единой России) превратила голосование за политическую партию в плебисцит относительно будущего Путина.

Оказалась приостановлена и реализация стратегии неопределенности. Но неопределенность стала убывать неравномерно: сначала прояснилось новое место Путина, и только потом – фигура “преемника”. Возникла новая система политических ожиданий, которая оказывала дисциплинирующее воздействие на правящую группу и функциональные элиты. Появились и новые задачи. Сохранение присутствия уходящего президента в политическом пространстве сделало необходимым выстраивание нового равновесия в верхах, предположительно, на основе сопоставимости электоральных весов Путина в “старом” (президентский рейтинг) и в “новом” качестве (показатель электоральной поддержки Единой России в декабре 2007 г.), а также соразмерности последней величины с предположительным электоральным весом нового президента, который он может приобрести на выборах в марте 2008 г.

Смена стратегии доминантным игроком в разгар избирательной кампании породила и политические риски: избрание двухпартийной Думы [Зудин, 2007^с], утрата Путиным общенационального статуса (в результате чрезмерной идентификации с Единой Россией), постепенная эрозия популярности (ответственность за действия правительства), появление “технического” преемника (практически любая фигура на фоне Путина станет восприниматься как слабая, а уходящего президента будут подозревать в желании подобрать себе преемника “послабее”, раз сам он решил остаться в системе власти), возникновение институционального конфликта в системе власти (в результате соседства президента с широкими полномочиями и политически сильного премьер-министра) [Зудин, 2007^с; 2007^и]. В дальнейшем эти риски удалось нейтрализовать (сохранением беспартийного статуса лидера Единой России, преобразованием структуры правительства, успешным освоением Медведевым президентских полномочий, предотвращением трансформации двух управленческих команд, сгруппировавшихся вокруг нового президента и премьера, в соперничающие субъекты влияния).

Последний тип политического риска отчетливо опознавался в общественном мнении. По данным ВЦИОМ, в конце октября 2007 г. 52% опрошенных считали неизбежным передел полномочий между президентом и премьером в случае, если Путин займет этот пост. Победу в гипотетическом случае соперничества по поводу полномочий избиратели присуждали новому президенту, имени которого они еще даже не знали. (По мнению 51%, основная власть будет сосредоточена в руках нового главы государства.) Этот тип политического риска частично нейтрализовывался в ходе избирательной кампании сообщениями об отказе от институциональных изменений и намерении сохранить зафиксированную в Конституции архитектуру власти. Путин несколько раз публично отвергал перспективу перераспределения формальных полномочий внутри исполнительной власти, а ранее – целесообразность парламентской республики для России. (Позднее с аналогичными заявлениями выступил и Медведев, еще не получивший статуса “преемника”.)

Но главной целью стратегии уходящего президента на завершающем этапе избирательной кампании стало приближение электоральной поддержки Единой России к президентскому рейтингу. Персонализация выборов в Государственную думу была усилена: в середине октября 2007 г. Путин мягко дистанцировался от Единой России, список которой недавно возглавил. Расширение политического позиционирования уходящего президента было продолжено активизацией движения его “беспартийных сторонников” (форум в Твери в середине ноября). В конце ноября 2007 г. происходит объединение двух избирательных кампаний – Единой России и “беспартийных сторонников”. На совместном форуме в Лужниках Путин весь свой политический вес бросил на электоральную мобилизацию вокруг Единой России, максимально усилив значение думских выборов (напомнил про связь с президентскими, постарался эффекты президентских выборов распространить на парламентские – заявил, что “решается судьба страны”).

Завершающим шагом в “конверсии политической силы” было публичное согласие Путина стать премьером на съезде Единой России 17 декабря 2007 г. Во-первых, это позволяло устранить опасность “разотождествления” личности и властных полномочий, что было критически важно для сохранения Путиным политической силы [Зудин, 2006^в]. Во-вторых, создавались условия для поддержания политического равновесия в верхах после проведения ротации. Ключ к равновесию – сохранение сплоченности правящей группы в том виде, как она сформировалась после 2004 г. Управляемая ротация не только создает условия для решения проблемы политической преемственности, но и порождает новую проблему (так называемая “дилемма преемника” [Hale, 2006]). Кандидатуру преемника приходится выбирать из нескольких конкурирующих групп. Вне зависимости от того, кто будет выбран, остальные, скорее всего, останутся недовольны, и это затруднит консолидацию политического режима вокруг нового президента.

Эффекты “патронального президентства” выступают мощным мультипликатором опасений групп, не воспринимающих фигуру нового президента как “своего”. В 1999–2000 гг. выход из “ловушки преемника” был обеспечен формированием новой правящей группы как коалиционной (альянс “семейных” и “питерских”). В 2008 г. эффекты “ловушки преемника” были нейтрализованы другим способом – решением экс-президента занять место во власти рядом с новым президентом. Возможность того, что, покинув пост президента, Путин останется в политике (и во власти), в “циклической модели” Хейла не рассматривалась. Между тем с учетом российских реальностей именно такая перспектива (“ротация с рокировкой”) выглядела как наиболее вероятная. Управляемая ротация в сочетании с присутствием экс-президента во власти логически вела не к воспроизводству моноцентрического режима на новой основе, а к деконцентрации системы власти в верхах. (Неясно было лишь, на какое место переместится Путин, так как каждый из обсуждавшихся вариантов обладал не только плюсами, но и минусами [Зудин, 2004^в].)

Неопределенность в отношении кандидатуры преемника исчезла не сразу после оглашения итогов выборов в Госдуму. За время парламентской кампании вернулась интрига, связанная с кандидатами в “преемники”. Ранговые позиции претендентов стали выравниваться: бесспорный лидер виртуальной гонки премьер Зубков сократил свое присутствие в электронных СМИ, в то время как первые вице-премьеры Иванов и Медведев продолжали исправно появляться на телеэкране. В имидже Медведева наметилось расширение (серия встреч с представителями основных конфессий). Такого рода публичные контакты ранее были прерогативой только Путина и в портфеле ресурсов Иванова отсутствовали [Зудин, 2007^ж]. Появилась и дополнительная интрига: как будет выдвинут преемник.

Процедура выдвижения оказалась достаточно сложной. Вопреки ожиданиям, Единая Россия монопольного права на выдвижение не получила. Фактически кандидат в президенты был выдвинут дважды. “Технически” Медведев был выдвинут как единственный кандидат от четырех “системных” политических партий (Единой России, Справедливой России, Аграрной партии и Гражданской силы) на встрече лидеров этих партий с Путиным 10 декабря 2007 г. Дистанцирование уходящего президента от процедуры выдвижения на этом этапе (на встрече с партийными лидерами Путин лишь поддержал ранее принятое ими решение) и участие нескольких партий, очевидно, были призваны превратить “преемника” конкретного физического лица в “кандидата”, то есть представителя выдвинувших его политических партий. (Особая роль Единой России в процедуре проявилась лишь в том, что Путину кандидатура Медведева была предложена Б. Грызловым – от лица четырех партий.)

Выдвижение кандидатуры Медведева принципиально изменило политическую ситуацию. Главный способ поддержания политического равновесия – стратегия неопределенности – себя полностью исчерпала. Но необходимость контроля над ситуацией сохранялась, с учетом политической слабости фигуры Медведева. Видимо, именно поэтому на период президентских выборов и передачи полномочий новому президенту (с декабря 2007 г. по май 2008 г.) объем ресурсов, которые можно было использовать для противодействия возможным проявлениям “циклической модели”, достигает предельных значений. Доминантный игрок набирает максимальную политическую силу: сохраняющиеся президентские полномочия, исключительно высокая общественная поддержка, руководство ведущей политической партией, набравшей конституционное большинство в Госдуме, наконец, публично объявленная перспектива возглавить правительство. С этого момента дальнейшее продвижение Медведева в качестве кандидата оказалось тесно связано с перспективой назначения Путина на пост премьера.

В “антициклической стратегии” место неопределенности начинает занимать укрепляющийся “тандем” Медведев–Путин. Особенности выдвижения возлагали на кандидата в президенты достаточно четкие обязательства: Медведев выдвигается не просто как достойный кандидат, а как человек, готовый работать в паре с Путиным.

На следующий день после “технического” выдвижения Медведев выступил с телеобращением, в котором обратился с просьбой к Путину после выборов президента возглавить Правительство РФ. “Публичное” выдвижение кандидатуры Медведева состоялось на съезде Единой России 17 декабря, и на этот раз Путин и лидеры Единой России оказались на переднем плане. Образ “тандема” получает новое подкрепление: уходящий президент дает публичное согласие возглавить правительство в случае избрания Медведева президентом.

Особенности избрания Медведева 2 марта 2008 г. также работали на укрепление “тандема”: они практически исключали возникновение прямых личных связей с избирателями, а значит – перспективу превращения нового президента в соперника доминантного игрока. Как и в 1999 г., это была победа в один тур, но возможности “авторизации” ресурсов массовой поддержки на выборах, которая тогда была у Путина, в 2008 г. у Медведева не было – присутствие рядом сверхсильного уходящего президента не позволяло сделать это. В момент выборов нового президента отличает высокая политическая зависимость от президента уходящего: Медведев опирается главным образом на ресурсы, распорядителем которых выступает Путин. “Антициклические” стратегии, направленные на предотвращение распада политического режима в связи с ротацией власти, изменили смысл голосования на президентских выборах марта 2008 г.: это были не просто выборы нового президента (даже при ресурсном содействии президента уходящего), а плебисцитарная поддержка совместного правления нового президента Медведева и будущего премьера Путина.

Требованиям “совместного правления” Медведева и Путина также соответствовал и новый политический курс, переориентация на который началась в ходе президентской кампании. Судя по всему, этот курс разрабатывался совместно, а затем совместно конкретизировался инициативами, с которыми с конца декабря 2007 г. поочередно выступали будущий премьер Путин и кандидат в президенты Медведев. По содержанию новый курс представляет собой симбиоз умеренного “дирижизма” и либеральных подходов: инновационная экономика, ограничение роли государства при сохранении ставки на “большие проекты”, новые стимулы для развития бизнеса, малого и большого, начало системной борьбы с коррупцией, укрепление правовых основ государства и, предположительно, восстановление элементов конкурентной политической среды. Новый курс ориентирован на политическую реинтеграцию (и использование ресурсов) социально активного меньшинства (бизнес и новый средний класс), часть которого оказалась отчуждена от политического режима в период “дирижистского” поворота во второй срок правления Путина.

Двухполюсная структура власти

Главным политическим итогом электорального цикла 2007–2008 гг. стало закрепление деконцентрированной системы власти, созданной “антициклической стратегией” в период подготовки и проведения управляемой ротации. Ограниченная трансформация политического режима состоялась. Новая конфигурация в верхах, сложившаяся после прихода к власти нового президента Медведева, стала завершением перемен, начавшихся в ходе подготовки к выборам 2007–2008 гг.

Наиболее важные изменения произошли в высших эшелонах власти. Политически сильный Путин покинул восстановленный институт президентской власти и стал премьером. Появилась перспектива усиления роли правительства. Одновременно он возглавил и ведущую партию, обеспечив себе институциональную и политическую автономию. В высших эшелонах власти возник второй “центр силы”. Место персоналистской моноцентрической конструкции занял симбиоз двух “центров силы”. Система с доминирующим центром сохраняется, но центр системы усложнился: он стал двухполюсным. Деконцентрация породила “разъединенное доминирование”, отделив политическую составляющую от институциональной, и наделила два ключевых ин-

ститута – президента и премьера как главу исполнительной власти – новыми качествами.

На первый взгляд, главной новацией стал политически сильный премьер, место которого занял доминантный игрок, лишенный привычного институционального измерения (широких президентских полномочий). Сила премьера определяется его полномочиями как главы правительства, исключительно высокой общественной поддержкой, опорой на ведущую партию в Госдуме, контролем над региональными парламентами, сохранением тесных неформальных связей с ключевыми фигурами в правящей группе и ее непосредственном окружении (в том числе – в силовом блоке и среди руководителей компаний с участием государства).

Но изменился и президент: он сохранил весь объем конституционных полномочий, но перестал быть доминантным игроком, утратив прямой выход на ключевые политические ресурсы. Российское президентство впервые лишилось (по крайней мере, на время) своих “патрональных” атрибутов. (Теперь они могут реализовываться только через согласования, как результат координации между двумя ключевыми игроками.) Налицо политическое ослабление президента, но с учетом его прежнего статуса в моноцентрическом режиме есть основания говорить и о начавшейся “нормализации” института президентской власти. “Разъединенное доминирование” в сочетании с обретением президентом и премьером новых политических свойств позволяют говорить о начале трансформации политического режима. Не менее важны и эффекты, захватившие оба центра силы: реальностью стала не только деконцентрация, но и деперсонализация власти.

В структуре правящей группы также произошли сдвиги, связанные с выдвижением на ключевые позиции (рядом с политическим премьером) двух “непитерцев” (И. Шувалова и С. Собянина). С учетом важной роли, которую уже давно играет третий “непитерец” В. Сурков, можно говорить о повышении удельного веса выходцев из других групп в высших эшелонах власти, которые с 2004 г. принято рассматривать как “кадровый заповедник” питерцев. Оценки могут быть только предварительными, но продолжение этой тенденции открывает возможность эволюции правящей группы по сценарию, который условно можно назвать “от клана–к классу” [Зудин, 2004^в].

Наметились изменения и в конфигурации элит, которые кратко можно определить как относительное снижение статуса силовиков и начавшийся подъем новой группы – “судейских”, отвечающих за правоприменение [Крыштановская, 2008]. В связи с публичными заявлениями о завершении экспансии государства в экономике и рядом практических шагов, призванных подтвердить значение рыночных принципов (реформой корпоративного управления в госкомпаниях, реорганизацией госкорпораций, смягчения наказаний за экономические преступления), появилась перспектива повышения экономического статуса элиты частного бизнеса. Новые направления в государственной политике (борьба с коррупцией, программа модернизации, ставка на инновации, повышение роли политических партий) создают условия для продолжения “реформы элит” и предпосылки для укрепления институтов (доменов соответствующих функциональных элит).

Главным побочным эффектом деконцентрации и формирования двухполюсной модели власти можно считать возникновение институционального напряжения. “Совместное правление” президента и политически сильного премьера, опирающегося на доминантную партию, породило конфигурацию, не органичную для сверхпрезидентской системы.

Окончание следует

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М., 2006.
- Гельман В.* Второй электоральный цикл и трансформация политического режима в России // Второй электоральный цикл в России (1999–2000). М., 2002.
- Гельман В.* Динамика субнационального авторитаризма: Россия в сравнительной перспективе. М., СПб., 2008.
- Гельман В.* Перспективы доминирующей партии в России // *Pro et Contra*. 2006^б. Июль–август.
- Гельман В.* Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // *Полис*. 2004. № 4.
- Гельман В.* Постсоветские политические трансформации (Наброски к теории) // *Полис*. 2001^а. № 1.
- Гельман В.* “Столкновение с айсбергом”: формирование концептов в изучении российской политики // *Полис*. 2001^б. № 6.
- Гельман В.* Трансформация российской партийной системы: монополизация политического рынка // *Общественные науки и современность*. 2006^а. № 1.
- Голосов Г.* Электоральный авторитаризм в России // *Pro et Contra*. 2008. Январь–февраль.
- Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю.* Проблема элиты в современной России. М., 2007.
- Зудин А.* Государство и бизнес в России: эволюция взаимоотношений // *Неприкосновенный запас*. 2006^а. № 6 (50).
- Зудин А.* До и после “дела ЮКОСа”: сравнительный анализ двух моделей отношений государства и бизнеса в России. Выступление на семинаре “Бизнес и власть к концу второго срока Путина: наступил ли новый этап?” в Московском Центре Карнеги 25 апреля 2007^а.
- Зудин А.* Закат преемников // *Московские новости*. 2007^г. 1 июня.
- Зудин А.* Итоги года. Партии и общественное мнение в “системе Путина”. М., декабрь 2004^е.
- Зудин А.* Кремль как субъект избирательной кампании // *Россия в избирательном цикле 1999–2000 годов*. М., 2000.
- Зудин А.* Крутой маршрут. Сто дней Президента В. Путина (весна–лето 2004 г.). М., август 2004^г.
- Зудин А.* Новая “Жизнь” в полупартийной системе // *ПОЛИТКОМ*. Ру. 2006^г. 10 сентября.
- Зудин А.* Новая реальность. Основные направления развития политической ситуации в 2004–2008 гг. М., июнь 2004^а.
- Зудин А.* Опасности двухпартийной Думы // *Московские новости*. 2007^е. 19–25 октября.
- Зудин А.* Передумал ли президент? // *Московские новости*. 2007^а. 14–20 декабря.
- Зудин А.* Политический режим в России в преддверии новой трансформации // *Публичная политика в современной России: субъекты и институты*. Сб. статей. М., 2006^а.
- Зудин А.* Последний рубеж: российская политика после Беслана (сентябрь–декабрь 2004 г.) М., декабрь 2004^а.
- Зудин А.* После октября. Путин вскопал в уходящий поезд // *НГ – Сценарии*. 23 октября 2007 г.^е (http://www.ng.ru/scenario/2007-10-23/13_afteroctober.html).
- Зудин А.* Предвыборная кампания 2007–2008 гг.: ключевая интрига и сценарии трансформации политического режима // *Полития*. 2006^а. № 2.
- Зудин А.* Президент последнего срока. М., март 2004^б.
- Зудин А.* Прививка от “партии власти” // *Московские новости*. 2007^а. 9 февраля.
- Зудин А.* Режим В. Путина: контуры новой политической системы. Московский Центр Карнеги. Апрель 2002.
- Зудин А.* Режим В. Путина: трансформация за границами “третьей волны” // *Пути России: двадцать лет перемен*. М., 2005^а.
- Зудин А.* Рождение “второй силы” // *Московские новости*. 2007^а. 7–13 декабря.
- Зудин А.* Россия больше не нужна одноразовая государственность (www.policom.ru). 2006^б.
- Зудин А.* Российская элита на рубеже поколений // *Россия: вчера, сегодня, завтра*. С точки зрения экспертов. М., 2007^б.
- Зудин А.* Российские элиты при В. Путине // *Властные элиты современной России в процессе политической трансформации*. Ростов н/Д., 2004^а.
- Зудин А.* Тандем или треугольник? // *Московские новости*. 2007^а. 21–31 декабря.
- Зудин А.* Третий срок: игра, которая нужна всем. 2005^б. 19 августа (<http://www.policom.ru/article.php?id=1908>).

- Зудин А. Трудности равновесия // Московские новости. 2007^а. 21 сентября).
- Зудин А., Рябов А. Особенности кампании-2000 и их влияние на конфигурацию властвующей элиты // Россия в избирательном цикле 1999–2000 годов. М., 2000.
- Крыштановская О. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. Осень 2002. Т. 7. № 4.
- Крыштановская О. Большой переход: уйти, чтобы остаться // Ведомости. 2008. 23 апреля.
- Лихтенштейн А.В. “Партии власти”: электоральные стратегии российских элит накануне выборов // Второй электоральный цикл в России (1999–2000). М., 2002.
- Ослон А. “Путинское большинство” как социальный факт. 2001 (<http://vvp.ru/putin/985540917.html>).
- Фонд “Общественное мнение”. Доминанты. Поле мнений. Доминанты 49–50 от 13 декабря 2007 г. Мотивы и факторы электорального выбора (<http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0749/d074922>).
- Хейл Г. Президентский режим, революция и демократия // Pro et Contra. 2008. Январь–февраль.
- Яковлев А. Власть, бизнес и движущие силы экономического развития России: до и после “дела ЮКОСа” // Общественные науки и современность. 2005. № 1.
- Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics. April 1997. Vol. 49.
- Colton T.J., Hale H.E. What is Putin Factor? Explaining Electoral Support in Hybrid Regimes // Paper Prepared for Presentation at the Annual Meeting of the Midwest Political Science Association. Chicago, April 3–6, 2008.
- Hale H.E. Democracy or Autocracy on the March? The Colored Revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism // Communist and Post-communist Studies. 2006. Vol. 39. No 3.
- Hale H.E. Institutions and Transitions. Democratization, Autocratization, or No “-ization” at All in the Former Soviet Union? // Prepared for Delivery at the 2005 Annual Meeting of the American Political Science Association. September 1–4, 2005^а.
- Hale H.E. Regime Cycles. Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-soviet Eurasia // World Politics. October 2005^б. Vol. 58.
- Hale H.E. Russia’s Presidential Election and the Fate of Democracy: Taking the Cake (<http://www.fas.harvard.edu/~aass/newsnet/2004-05-cover.html>).
- Kryshatanovskaya O., White S. Putin’s Militocracy // Post-Soviet Affairs, 2003. Vol. 19. No 4.
- Levitsky S., Way L. The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. April 2002. Vol. 13.
- Remington T.F. Patronage and Power: Russia’s Dominant Party Regime // PVS Politische Vierteljahresschrift. 2008. Vol. 49.
- Renz B. Putin’s Militocracy? An Alternative Interpretation of Siloviki in Contemporary Russian Politics // Europe-Asia Studies. 2006. 58:6.
- Reuter O.J. Parties of Power as Institutions: Commitment Problems and the Rise of United Russia // Prepared for Presentation at the Annual Meeting of the Midwest Political Science Association. April 12–15, 2007.
- Reuter O.J., Remington T.F. Dominant Party Regimes and the Commitment Problem. The Case of United Russia // Comparative Political Studies. 2009. Vol. 42. No 4. April.
- Sartori G. Parties and Party Systems: a Framework for Analysis. New York, 1976.
- Smyth R. Building State Capacity from the Inside Out: Parties of Power and the Success of the President’s Reform Agenda in Russia // Politics and Society. December 2002. Vol. 30. No 4.
- Smyth R., Lowry A., Wilkening B. Engineering Victory: Institutional Reform, Informal Institutions, and the Formation of a Hegemonic Party Regime in the Russian Federation // Post-Soviet Affairs. 2007. Vol. 23. No 2. April–June.